

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 304

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-592-599

Искушение насилием

Финогентов В.Н.

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
Российская Федерация, 302019, г. Орёл, ул. Генерала Родина, д. 69

v_fin@mail.ru

Аннотация. В данной работе обсуждается один аспект феномена насилия: тенденция к проникновению насилия во все сферы жизни человека и общества. При этом насилие понимается в качестве одного из основных социальных регуляторов. Роль других основных социальных регуляторов играют традиции, рынок и нравственно-правовой разум. Анализ взаимоотношения насилия и других социальных регуляторов показал, что абсолютизация и универсализация роли насилия происходит тогда, когда по тем или иным причинам имеет место ослабление или даже разрушение иных основных социальных регуляторов. Видимость легкости и эффективности универсальной применимости насилия являются основаниями явления, которое мы называем «искушение насилием». Доказано, что абсолютизация и универсализация роли насилия в общественной жизни неминуемо ведет к установлению тоталитарного контроля над обществом, огрублению и примитивизации жизни соответствующего сообщества. Выдвинуто и обосновано предположение, согласно которому такого рода процессы имели место в нашей стране в период Гражданской войны и политики военного коммунизма.

Ключевые слова: насилие, социальный регулятор, традиции, рынок, нравственно-правовой разум, экспансия насилия

Для цитирования: Финогентов В.Н. 2024. Искушение насилием. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 49(3): 592–599. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-592-599

The Temptation of Violence

Valery N. Finogentov

N.V. Parakhin Orel State Agrarian University,
69 Generala Rodina St, Orel 302019, Russian Federation

v_fin@mail.ru

Abstract. This study discusses only one, but very significant, aspect of the phenomenon of violence: the desire of violence to expand, to penetrate into all spheres of human life and society. In this context, violence is considered as one of the main social regulators. It is argued that other main social regulators are traditions, the market and moral and legal reason. A distinctive feature of violence, considered as a social regulator, is the coercion of some social subjects by other subjects. At the same time, this coercion is necessarily based on the actual use of force or the threat of its use. Next, the relationship between violence and other social regulators is discussed. It is shown that the absolutization and universalization of the role of violence occurs when, for one reason or another, other basic social regulators are weakened or even destroyed. The appearance of ease and the seeming effectiveness of the universal applicability of violence are the foundations of the phenomenon that we call "the temptation of violence." It is argued that the absolutization and universalization of the role of violence in public life inevitably leads to the establishment of totalitarian control of power over society, to the coarsening and primitivization of the life of the relevant community. The assumption is put forward and justified, according to which such tragic processes took place in our country during the Civil War and the policy of war communism.

Keywords: violence, social regulator, traditions, market, moral and legal reason, expansion of violence.

For citation: Finogentov V.N. 2024. The Temptation of Violence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 592–599 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-592-599

Введение

Вопросы о природе насилия, о роли насилия в социальной жизни на различных этапах развития общества вполне обоснованно продолжают привлекать пристальное внимание многих исследователей (см. об этом в частности [Назаретян, 2007; Жижек, 2010; Арендт, 2014; Римский, 2019]). В данной статье я обсуждаю только один из аспектов сложного и противоречивого феномена насилия. Этот аспект можно охарактеризовать как своего рода стремление насилия к экспансии, к проникновению во все сферы жизни человека и общества. Я имею в виду отчетливо и многообразно заявляющее о себе в самых разных сообществах стремление насилия превратиться в универсальное средство решения политических, экономических, социальных и т.д. проблем. В связи с этим я считаю правомерным говорить о том, что насилие имеет свойство искушать, соблазнять соответствующих социальных субъектов. А именно: во многих социокультурных ситуациях насилие как бы говорит субъектам такого рода: «Меня так удобно и просто использовать, с моей помощью вы легко справитесь со всеми социально-политическими, социально-экономическими и любыми другими проблемами!» Как показывает история, некоторым социальным субъектам перед таким искушением во многих случаях не так-то просто устоять.

По моему убеждению, углубленный анализ указанного аспекта феномена насилия может помочь в осмыслении природы насилия и его роли в жизни общества. Немаловажно также и то, что такой подход может помочь в осмыслении поистине трагического периода в истории российского общества. Я имею в виду первые годы существования Советской России (время Гражданской войны и политики военного коммунизма), когда именно насилие очень быстро стало главным и по сути универсальным инструментом власти большевиков (см. об этом в частности [Павлюченков, 1997; Борисова, 2001; Крашенинников, 2024]). Печать этой трагедии лежит, как мне представляется, на всей последующей истории нашей страны.

1. Насилие как социальный регулятор

Начиная обсуждение указанного аспекта феномена насилия, подчеркну прежде всего, что насилие здесь будет пониматься как один из основных социальных регуляторов. Иными словами, насилие – это один из важнейших способов регулирования социальной жизни на всех известных нам этапах ее эволюции. С помощью насилия в самых разных его формах осуществлялось и осуществляется регулирование многообразных социальных процессов и не менее многообразных социальных отношений. Определяющей чертой насилия, которая отличает его от других социальных регуляторов, является принуждение одних социальных субъектов другими субъектами. При этом указанное принуждение непременно фундировано актуальным применением силы или угрозой ее применения.

Отмечу в общей форме также важность только что упомянутого понятия «социальный регулятор» для осмысления функционирования и развития человеческого общества. Дело в том, что без наличия соответствующих социальных регуляторов возникновение и существование человеческого общества вообще невозможно. Без наличия регуляторов такого рода человеческое общество неизбежно разрушилось бы. А именно: оно либо превратилось бы вновь в сугубо биологическое сообщество, у которого, естественно, имеются свои – биологические – регуляторы; либо такое общество полностью хаотизировалось бы и просто погибло. Иначе говоря, наличие

социальных регуляторов является атрибутивной и конституирующей характеристикой человеческого общества. В таком случае становление человеческого общества следует связывать со становлением именно специфически социальных, то есть надбиологических, регуляторов. И, соответственно, развитие некоторого человеческого сообщества в рамках такого подхода можно представить как последовательность этапов, на каждом из которых доминирует свой набор социальных регуляторов.

По всей видимости, кроме насилия, к числу основных социальных регуляторов следует отнести традиции и рынок. В своих предшествующих работах я попытался обосновать предположение, согласно которому к числу социальных регуляторов такого рода относится также нравственно-правовой разум.

В соответствии с только что сказанным общество, в котором в качестве социального регулятора доминируют традиции, логично назвать традиционным обществом. Аналогично общество, в котором в качестве социального регулятора доминирует рынок, следует называть рыночным обществом. Общество, в котором роль главного, всепроникающего социального регулятора играет интересующее нас насилие, правомерно называть тоталитарным обществом. Наконец, общество, в котором роль главного социального регулятора будет принадлежать нравственно-правовому разуму, конечно, если такое общество когда-нибудь осуществится, можно назвать ноосферным обществом. Именно с доминированием нравственно-правового разума можно, как представляется, связывать, как уже сказано, маловероятные надежды на долговременное и более или менее благополучное будущее человечества. Понятно, что указанные типы общества (традиционное, рыночное, тоталитарное, ноосферное) представляют собой теоретические конструкты, идеальные типы. И в реальной истории человечества в чистом виде они не встречаются. Однако эти конструкты, на мой взгляд, могут быть весьма полезны в различного рода социально-философских исследованиях (см. об этом подробнее в моей статье [Финогентов, 1994]).

Вернемся, однако, к обсуждению насилия, понимаемого нами в качестве одного из основных социальных регуляторов.

Фундаментальной особенностью этого регулятора является своеобразная простота и кажущаяся эффективность его употребления. Вспомним в связи с этим знаменитое высказывание Мао Цзэдуна: «Винтовка рождает власть». Понятно, что винтовка в этом высказывании – это символ актуального или возможного насилия одного социального субъекта над другим социальным субъектом. А власть в данном контексте можно понимать как способность некоторого (властвующего) субъекта навязывать свою волю другому субъекту, то есть способность этого властвующего субъекта управлять другим субъектом, способность регулировать деятельность этого «другого» субъекта. Таким образом, если некоторый социальный субъект обладает способностью осуществить насильственные действия по отношению к другому социальному субъекту, то он обладает по крайней мере возможностью управлять этим другим субъектом, возможностью регулировать его деятельность. Эта простота применения и кажущаяся эффективность обсуждаемого социального регулятора является одной из причин того, что насилие способно искушать, соблазнять соответствующих социальных субъектов. Действительно, многим и многим социальным субъектам, находящимся в самых различных социокультурных ситуациях, кажется, что все или почти все проблемы общественной и частной жизни можно решить с помощью насилия или с помощью угрозы насилия.

Так сказать, «изнаночной» стороной только что указанной простоты обсуждаемого социального регулятора является его грубость, жестокость. Действительно, история человечества знает множество примеров применения жесточайшего насилия для регулирования социальной жизни тех или иных сообществ: войны, террор, репрессии и т.п. Количество жертв этих и других форм насилия поистине неисчислимо.

Обязательно необходимо отметить также, что указанная выше эффективность насилия в качестве социального регулятора является в большинстве случаев его применения именно кажущейся. Так, например, очевидно, что насилие или угроза насилия отнюдь не эффективны в качестве стимулов творческой деятельности человека, будь то поэзия, музыка, наука, изобретательство. Как показывает история, насилие в общем случае является гораздо менее эффективным орудием регулирования экономики, чем рынок. Насилие зачастую идет рука об руку с некомпетентностью, произволом, субъективизмом...

Еще одной атрибутивной характеристикой насилия является упомянутое в начале статьи его всегдашнее, иногда скрытое, иногда явное, стремление стать универсальным регулятором социальной жизни, вытеснить все другие социальные регуляторы на обочину общественной жизни. Как будет показано ниже, такого рода «универсализация» насилия ведет, обобщенно говоря, к тоталитарному контролю над обществом, к огрублению и примитивизации как общественной, так и частной жизни человека (см. об этом в частности [Хайек, 2010, с. 170-173 и др.]).

2. Насилие и традиции, насилие и рынок

Другими основными социальными регуляторами, отчетливо заявляющими о себе в самых разных человеческих сообществах, являются, как уже сказано, традиции и рынок. Именно они чаще всего ограничивают сферу применения и определяют допустимые формы насилия, имеющие место в данном сообществе.

Так, на стадии традиционного общества, когда главным социальным регулятором были традиции, именно они и регламентировали применение насилия в таком обществе. Причем и это обстоятельство является очень существенным, сами традиции здесь – это не просто привычные, устоявшиеся формы жизни соответствующего сообщества. Традиции здесь священны, ими задаются сообществу архетипические образцы, мифические прототипы (см. об этом [Элиаде, 1987, с. 33 и др.]). «Покушение» на них, внесение в них каких-либо поправок в таких сообществах недопустимо, ибо на страже традиций стоят «высшие» силы. Нарушение традиций, с точки зрения членов традиционных сообществ, может привести не просто к гибели этих сообществ, но и к буквально вселенской катастрофе. Таким образом, можно сказать, что на этой стадии развития общества, то есть на стадии традиционного общества, самые разные формы насилия были вплетены в ткань многообразных традиций, определявших тогда все стороны жизни человеческих сообществ. Соответственно, роль насилия в таких сообществах, хотя и была значительна, была ограничена и находилась под жестким контролем традиций. Только когда традиции, господствовавшие в данном сообществе, по тем или иным – очень значимым для этого сообщества – причинам ослабевали, насилие в качестве регулятора социальной жизни выходило на передний план и начинало доминировать в этом сообществе. Подчеркну, что речь здесь идет о поистине судьбоносных для данного сообщества причинах. Это, в частности, могли быть масштабные природные катастрофы, сильные эпидемии, судьбоносные военные конфликты данного сообщества с другими сообществами. Как видим, роль насилия в жизни традиционного сообщества качественно возростала именно тогда, когда прежний доминирующий социальный регулятор, традиции, уже не справлялись с драматическими вызовами, с которыми сталкивалось такое сообщество.

Таким образом, уже здесь можно констатировать, что насилие осуществляет экспансию во все сферы жизни общества именно тогда, когда другие социальные регуляторы (в данном случае – традиции) «дают сбой», по тем или иным причинам не справляются со своей регулирующей, упорядочивающей ролью. Иначе говоря, насилие осуществляет указанную экспансию, когда общественная жизнь хаотизируется, когда общество приближается к состоянию аномии или впадает в это состояние. Очевидно, что состояние аномии понимается здесь как состояние общества, в котором по тем или иным

причинам катастрофически слабеют или совсем разрушаются до той поры достаточно эффективно действовавшие в нем основные социальные регуляторы. Аномийное состояние общества – это по сути социальный хаос. И, следовательно, в этом контексте экспансия насилия во все сферы жизни сообщества, превращение его в своего рода универсальный регулятор социальной жизни является необходимым и закономерным способом предотвращения наступления в данном обществе социального хаоса. Другими словами, такая экспансия насилия в рассматриваемом контексте не есть результат чьего-то злого умысла, а есть, конечно, не единственно возможный, но вполне закономерный способ выживания данного сообщества, его способ избежать аномийного состояния, его способ преодолеть хаотизацию социальной жизни.

Еще более наглядно только что указанное обстоятельство проявляется во взаимоотношениях таких мощных социальных регуляторов, какими являются насилие и рынок. Действительно, эти регуляторы склонны к соперничеству друг с другом даже и тогда, когда общество находится в обычном, то есть не кризисном (не аномийном) состоянии. Вспомним в связи с этим замечательное стихотворение А.С. Пушкина «Золото и булат».

В этом стихотворении говорится:

«Всё мое», – сказала злато;

«Всё мое», – сказал булат.

«Всё куплю», – сказала злато;

«Всё возьму», – сказал булат [Пушкин, 1980, с. 283].

Понятно, что булат (вид стали, из которого изготавливается холодное оружие) здесь символизирует насилие, а золото – рынок. Так что великий поэт фиксирует в этих строчках именно своеобразное противостояние насилия и рынка. В самом деле «всё» (разнообразные жизненные блага) можно, с одной стороны, получить рыночным способом, то есть купить, заплатив за них «злато». С другой стороны, эти же блага можно обрести насильственным способом, угрожая собственникам этих благ «булатом» или действительно применяя его. История человечества дает множество примеров такого рода соперничества рынка и насилия. И опять-таки история человечества показывает, что насилие осуществляет масштабную экспансию на территорию действия рыночного регулятора, именно когда в обществе по определенным причинам ограничивается действие этого (рыночного) регулятора. История многократно демонстрирует также то, что иногда насилие может вообще вытеснить рыночный регулятор на, так сказать, обочину общественной жизни. Как правило, такое вытеснение сопровождается драматическими и даже трагическими для данного общества последствиями, в частности деградацией и примитивизацией экономики.

Ярчайшим примером экспансии насилия такого рода являются процессы, происходившие в советскую эпоху, особенно в самом ее начале. Хорошо известно, что рынок и рыночные отношения целенаправленно разрушались молодой советской властью, так сказать, по идеологическим соображениям. Ведь действие в обществе рыночного регулятора, так или иначе, предполагает существование в этом обществе частной собственности. А отмена частной собственности на средства производства была фундаментальным программным требованием большевиков. Соответственно, у этой власти, сознательно отказавшейся от рыночного регулятора и систематически его разрушавшего, по сути не осталось выбора. И ей в этих условиях закономерно пришлось широчайшим образом применять насилие. Я имею в виду в частности трагический период Гражданской войны и «военного коммунизма».

Показательно, что молодая советская власть также по идеологическим соображениям систематически разрушала в то время и другие социальные регуляторы: глубоко укоренившиеся в жизни российского сообщества национальные и религиозные традиции. Хорошо известны намерения вождя большевиков В.И. Ленина (и не только его,

конечно) разрушить прежние, «эксплуаторские» право и государство, высказанные им в работе «Государство и революция», написанной в преддверии Октябрьской революции. В этой работе В.И. Ленин неоднократно и очень настойчиво провозглашал, что пролетариат в ходе социалистической революции непременно должен разрушить, уничтожить старую государственную машину [Ленин, 1969, с. 8, 27, 31, 37 и др.]. И эта теоретическая установка последовательно и в некотором смысле успешно воплощалась большевиками в жизнь в ходе Октябрьской революции и после нее. Разумеется, планомерное разрушение традиций, а также прежней правовой системы и «старой государственной машины» еще более способствовало экспансии насилия на все стороны советского общества.

Иначе говоря, дело обстояло в то время в нашей стране уже знакомым нам образом: разрушение и подавление важнейших социальных регуляторов (рынка, национальных и религиозных традиций, системы права, государства) закономерно вело к драматическому усилению и универсализации роли насилия.

Впрочем, и это существенно, здесь следует непременно иметь в виду одно фундаментальное обстоятельство. Я уже отмечал, что значительное ослабление и даже разрушение основных социальных регуляторов в данном сообществе может произойти в результате действия независимых от социальных субъектов причин: чудовищных природных катастроф (извержения вулканов, землетрясений и т.п.) и сильнейших эпидемий, в частности. И в таком случае усиление и универсализация роли насилия в общественной жизни являются, хотя и драматичным, но во многом вынужденным шагом этого сообщества. Но следует также обязательно иметь в виду, что разрушение важнейших социальных регуляторов данного сообщества может произойти и в результате более или менее сознательной деятельности соответствующих социальных субъектов. Именно так произошло, как известно, в ходе большевистской революции в нашей стране. Большевики сознательно планировали, а затем и последовательно осуществили свой план по слому устаревших, по их убеждению, национальных и религиозных традиций, а также прежнего (феодално-буржуазного, эксплуататорского) государства и рыночных отношений. Точно также слому подлежали, в соответствии с большевистской идеологией, прежняя правовая система и «старая» мораль. В связи со сказанным можно констатировать, что превращение насилия в годы Гражданской войны и военного коммунизма в главный и универсальный регулятор явилось следствием сознательной политики большевиков. И, следовательно, ужасная катастрофа, постигшая нашу страну в те годы, была по сути рукотворной (см. об этом подробнее в частности [Крашенинников, 2024]).

Здесь уместно также вспомнить, что руководство партии большевиков во главе с В.И. Лениным, убедившись в губительности политики военного коммунизма, начиная с 1921 года, вынуждено было приступить к осуществлению НЭП (новой экономической политики), допускавшей в том числе использование существенных элементов рыночного регулятора. Как известно, осуществление НЭП достаточно быстро привело к восстановлению и даже существенному росту экономики Советской России (а позже – СССР). С другой стороны, руководители партии большевиков отчетливо понимали, что дальнейшее развертывание НЭП и соответствующее расширение применения рыночного регулятора в экономике, по сути, было несовместимо с советской политической системой, в значительной мере построенной именно на насилии. И поэтому уже в 1928 году началось быстрое сворачивание НЭП и возвращение к методам административно-командной системы, ко все более масштабному применению насилия в самых разных сферах жизни советского общества (см. об этом [Валентинов, 1991; Жуков, 2014]). Такого рода социальная катастрофа, исток которой – в абсолютизации роли насилия в качестве социального регулятора, имела место не только в России на заре советской власти. Нечто подобное происходило также во Франции на стадии якобинской диктатуры Великой французской

революции [Генифе, 2000], а также в годы «большого скачка» в Китае [Непомнин, 2011], в Кампучии времен диктатуры красных кхмеров [Мосяков, 2010] и т. д.

Все эти социальные катастрофы, как известно, отмечены невиданными в истории масштабами насилия: массовыми репрессиями и казнями. Все они являются результатом «искушения насилием», перед которым не устояли соответственно большевики, яacobинцы, китайские коммунисты и красные кхмеры.

Заключение

Таким образом, проведенное обсуждение показало, что в социальной жизни, рассматриваемой сквозь призму понятия «социальный регулятор», имеет место своеобразный «закон сохранения». Этот «закон» может быть сформулирован следующим образом: чем более ограничивается в некотором сообществе роль таких социальных регуляторов, как традиции и рынок (а также традиций, права и морали), тем более усиливается в этом сообществе роль насилия.

Понятно, что безмерное возрастание, абсолютизация роли насилия в социальной жизни сообщества ведет к своего рода социокультурной катастрофе: к стремительной дегуманизации, деморализации и примитивизации жизни соответствующего сообщества, а также ко многим долговременным негативным последствиям для него.

Такая универсализация и абсолютизация роли насилия в общественной жизни и порождаемая ими социокультурная катастрофа нередко встречается в истории различных человеческих сообществ. Ярким примером катастрофы такого рода является ситуация, сложившаяся в нашей стране в период гражданской войны и политики военного коммунизма. Причем, как это было показано выше, эта катастрофа является преимущественно «рукотворной»: она явилась следствием сознательного разрушения большевиками важнейших социальных регуляторов: традиций, рынка, «прежней» нравственности и дореволюционной системы права.

Список литературы

- Арендт Х. 2014. О насилии. М., Новое издательство, 148 с.
- Борисова Л.В. 2001. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., Московский научный фонд, 235 с.
- Валентинов Н. 1991. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., Современник, 367 с.
- Генифе П. 2000. Французская революция и Террор. Вкн.: Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М., Эдиториал УРСС: 68-87.
- Жижек С. 2010. О насилии. М., Издательство «Европа», 184 с.
- Жуков Ю.Н. 2014. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923-1925 годы. М., Издательский Центр «Аква-Терм», 448 с.
- Крашенинников П.В. 2024. Всадники Апокалипсиса. Государство и право Советской России 1917-1922 гг. М., Эксмо, 368 с.
- Ленин В.И. 1969. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 33. М., Гос. изд-во полит. лит., 433 с.
- Мосяков Д.В. 2010. История Камбоджи. XX век. М., Институт востоковедения РАН, 743 с.
- Назаретян А.П. 2007. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., Издательство ЛКИ, 256 с.
- Непомнин О.Е. 2011. История Китая. XX век. М., Институт востоковедения РАН, Крафт +, 736 с.
- Павлюченков С.А. 1997. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., Русское книгоиздательское товарищество – История, 272 с.
- Пушкин А.С. 1980. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. М., Художественная литература, 814 с.
- Философия войны и мира, насилия и ненасилия: Монография. 2019. Под ред. В.П. Римского. М., Академический проект, 462 с.
- Финогентов В.Н. 1994. Социально-исторические регуляторы человеческих отношений. В кн.: Духовность и культура. Алгоритмы культуры. Екатеринбург: 54-65.

Хайек Ф. 2010. Дорога к рабству. М., АСТ, Астрель, 317 с.

Элиаде М. 1987. Космос и история. Избранные работы. М., «Прогресс», 312 с.

References

- Arendt H. 2014. O nasilii [About violence]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 148 p.
- Borisova L.V. 2001. Voennyj kommunizm: nasilie kak element hozyajstvennogo mekhanizma [War Communism: violence as an element of the economic mechanism]. Moscow, Publ. Moskovskij nauchnyj fond, 235 p.
- Valentinov N. 1991. Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina [The new Economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death]. Moscow, Publ. Sovremennik, 367 p.
- Genife P. 2000. Francuzskaya revolyuciya i Terror [The new Economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death]. In: Francuzskij ezhegodnik 2000: 200 let Francuzskoj revolyucii 1789-1799 gg.: Itogi yubileya. Moscow, Publ. Editorial URSS: 68-87.
- Zhizhek S. 2010. O nasilii [About violence]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo «Evropa», 184 p.
- Zhukov Yu.N. 2014. Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSR. 1923-1925 gody [The flip side of the NEP. Economy and political struggle in the USSR. 1923-1925]. Moscow, Publ. Centr «Akva-Term», 448 p.
- Krashennnikov P.V. 2024. Vsadniki Apokalipsisa. Gosudarstvo i pravo Sovetskoj Rossii 1917-1922 gg. [Horsemen of the Apocalypse. The State and Law of Soviet Russia 1917-1922.]. Moscow, Publ. Eksmo, 368 p.
- Lenin V.I. 1969. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 33. [The complete works: in 55 vol. t. 33]. Moscow, Publ. Gos. izd-vo polit. lit., 433 p.
- Mosyakov D.V. 2010. Istoriya Kambodzhi. XX vek [The history of Cambodia. The twentieth century]. Moscow, Publ. Institut vostokovedeniya RAN, 743 p.
- Nazaretyan A.P. 2007. Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizacii: Oчерki po evolyucionno-istoricheskoi psihologii [The Anthropology of Violence and the Culture of Self-organization: Essays on Evolutionary and Historical Psychology]. Moscow, Publ. LKI, 256 p.
- Nepomnin O.E. 2011. Istoriya Kitaya. XX vek [The history of China. The twentieth century]. Moscow, Publ. Institut vostokovedeniya RAN, Kraft +, 736 p.
- Pavlyuchenkov S.A. 1997. Voennyj kommunizm v Rossii: vlast' i massy [War Communism in Russia: power and the masses]. Moscow, Publ. Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo – Istoriya, 272 p.
- Pushkin A.S. 1980. Izbrannye proizvedeniya. V 2-h t. T. 1. [Selected works. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Publ. Hudozhestvennaya literatura, 814 p.
- Filosofiya vojny i mira, nasiliya i nenasiliya: Monografiya [Philosophy of war and peace, violence and nonviolence: Monograph]. 2019. (Pod red. V.P. Rimskogo). M., Publ. Akademicheskij proekt, 462 p.
- Finogentov V.N. 1994. Social'no-istoricheskie regulatory chelovecheskih otnoshenij [Socio-historical regulators of human relations]. In: «Duhovnost' i kul'tura. Algoritmy kul'tury». Ekaterinburg: 54-65.
- Hajek F. 2010. Doroga k rabstvu [The Road to Slavery]. Moscow, Publ. AST, Astrel', 317 p.
- Eliade M. 1987. Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty [Space and history. Selected works]. Moscow, Publ. «Progress», 312 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.01.2024

Received January 20, 2024

Поступила после рецензирования 20.04.2024

Revised April 20, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет, Орел, Россия.

Valery N. Finogentov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Russian, Orel State Agrarian University, Orel, Russia.